

ВОСТОК

ORIENTS

В НОМЕРЕ

- **Двойное рождение отечественной африканистики**
- **Воцарение Хатшепсут: новая версия**
- **Уголовные законы династии Тан о дисциплине чиновничества**
- **Джайхани и его "Книга путей и государств"**
- **О некоторых особенностях социально-политического развития Османского Египта (XVI–XVIII вв.)**
- **Историческое сознание бенгальского Возрождения (историко-философский анализ)**
- **К археографии буддийских рукописей и ксилографов в Байкальском регионе**
- **Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация исламской молодежи страны**
- **Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность**

1

2009

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Кафедра африканиста

- А.Б. ДАВИДСОН 5 Двойное рождение отечественной африканистики

Восточная политика

- В.А. БОЛЬШАКОВ 14 Воцарение Хатшепсут: новая версия
В.М. РЫБАКОВ 22 Уголовные законы династии Тан о дисциплине чиновничества
(Санкт-Петербург)

Исторический источник

- Д.Е. МИШИН 33 Джайхани и его "Книга путей и государств"

Восточный социум

- Л.Е. ГРИНИН (Волгоград), 46 О некоторых особенностях социально-политического развития
А.В. КОРОТАЕВ Османского Египта (XVI–XVIII вв.)

История и фольклор

- Шарустам ШАМУСАРОВ 63 Фольклорные связи тюркских народов Центральной Азии и
(Ташкент) среднеазиатских арабов

Традиции и модернизация

- Т.Г. СКОРОХОДОВА 76 Историческое сознание бенгальского Возрождения (историко-
(Пенза) философский анализ)

Восток России

- С.-Х.Д. СЫРТЫПОВА 88 К археографии буддийских рукописей и ксилографов в Байкаль-
ском регионе

Восток на Западе

- Ф.О. ПЛЕЩУНОВ 100 Политика мультикультурализма в Великобритании и радикали-
зация исламской молодежи страны

Демократия на Востоке

- П.В. ШЛЫКОВ 109 Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность

Вниманию преподавателей

- Т.К. КОРАЕВ 122 Программа спецкурса "Историческая география Среднего
Востока"

СООБЩЕНИЯ

Политическая история

- В.П. САНЧИРОВ 133 Ойрато-китайские отношения после "Тумуской катастрофы"
1449 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конгрессы, конференции, симпозиумы

- А.О. ЗАХАРОВ 140 12-я Международная конференция Европейской ассоциации ар-
хеологов Юго-Восточной Азии

- А.Д. САВАТЕЕВ 144 Развитие Африки: возможности и препятствия

- С.В. ЛАПТЕВ 149 Итоги и перспективы в исследовании археологии Восточной и
Юго-Восточной Азии

- А.Г. БЕЛОВА 154 VIII Международный афро-азиатский конгресс

- В.В. БЕЛЯКОВ, 158 Архивное востоковедение

А.Д. ВАСИЛЬЕВ,
А.Ш. КАДЫРБАЕВ,
Н.К. ЧАРЫЕВА,
В.И. ШЕРЕМЕТ

Научные центры, библиотеки, архивы

- К.С. КАНАНЫХИНА 165 Библиотеки Нигерии

ДЕМОКРАТИЯ НА ВОСТОКЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ТУРЦИИ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

© 2009

П. В. ШЛЫКОВ

В последние десятилетия мы стали свидетелями “возрождения” идеи гражданского общества, его проявлений в странах и регионах, ранее находившихся вне сферы прогрессивных политико-экономических и идеологических процессов. Опыт Турции – “самого вестернизированного государства Ближнего Востока” – позволяет проследить становление и функционирование “неевропейской модели” гражданского общества, определить основные тенденции и детерминанты его развития.

С конца 1980-х гг. западная модель демократии и связанные с ней идеи и концепции – гражданское общество, негосударственные общественные организации и т.д. – начали свой победный марш по странам незападного мира. Оценивая масштабы этого явления, С. Хантингтон даже назвал его “демократизацией третьей волны” [Хантингтон, 2003, с. 23–37]. Формулы базовых концепций либерализма оказались на устах практически всех политиков и общественных деятелей. В результате установилось и их неадекватное понимание и упрощение.

Одно из таких упрощений – стремление свести нормативное содержание концепта гражданского общества к набору минимальных параметров, ориентированных на такие понятия, как конкуренция, подотчетность, право на создание добровольных ассоциаций, формализованная законность, плюрализм, публичность, свобода предпринимательства и т.д. А наличие профсоюзов и неправительственных общественных организаций (НПО) стало рассматриваться как показатель степени “демократичности” того или иного социума [Democracy..., 1997, p. 1–15]. Вместе с тем логика капиталистической частной собственности и рынка часто вступает в конфликт с принципами плюрализма и свободой ассоциаций, а логика бюрократизации – с логикой парламентского формирования общей воли, принципы репрезентативного процесса законотворчества – с новыми формами маргинализации и господства [Коэн, Арато, 2003, с. 12]. Кроме того, ввиду происшедших за последний век структурных изменений любые попытки отождествить “государство” с “политическим обществом” или “гражданское общество” с “частным” представляются анахронизмами [Civil Society: Challenging..., 2000; Seligman, 1992]. Еще одним следствием упрощенного толкования понятия гражданского общества является абсолютизация его “антиполитической модели” [Коэн, Арато, 2003, с. 587], в которой утверждается категорическая оппозиция, противостояние государства и общества. Между тем в современных обществах, особенно в странах, не принадлежащих ни географически, ни идеологически к Западу и поставленных в своем развитии перед дилеммой выбора между экономическим либерализмом и интервенционизмом “государства всеобщего благосостояния”, можно наблюдать разнообразные формы их связи и сотрудничества через политические партии, общественные организации, профессиональные союзы, ассоциации и целый ряд других институтов. Причем сцепление государства и гражданского общества оказывается настолько прочным, что ни о какой неприкрытой бинарной оппозиции “общество–государство” говорить не

приходится, а сам подход оказывается неадекватным для понимания и анализа изучаемой ситуации [Beller-Hann, Hann, 2001, p. 32].

Еще одна распространенная ошибка – трактовка гражданского общества как единого гомогенного организма. Между тем как правильнее было бы говорить о сложной совокупности социальных пластов, существующих и действующих в рамках одной системы, или о гетерогенном институте, объединяющем неоднородные социальные группы, обладающие разными интересами и отражающие отличные друг от друга политические установки и взгляды. Ведь гражданское общество, если следовать современным социальным теориям, – это автономное и саморегулирующееся пространство общественных отношений, где политические и социально-экономические мотивации, индивидуализируя и эмансипируя личность, вытеснили либо вытесняют “доиндустриальные” модели поведения. Именно поэтому его институциональные основы – это социальные движения, политические партии, профсоюзы и иные общественные организации, иными словами, – институты и структуры, обеспечивающие самовыражение личности, коллектива и массовых общностей [Коэн, Арато, 2003, с. 7; Володин, 2008, с. 35–36].

В Турции мы сталкиваемся практически со всеми перечисленными искажениями в восприятии гражданского общества. На фоне постоянных разговоров о нем, его фактическом и гипотетическом вкладе в развитие демократии в стране остается до конца неясным, что в общественном дискурсе стоит за этим понятием. Одни видят в определении “гражданский” оппозицию “государственному”, в то время как другие имеют в виду противовес “влиянию армии”. Для кого-то гражданское общество означает просто наличие общественных организаций, для других – важно, какие это НПО (либеральные, исламские или секулярные). В контексте разных политических идеологий и платформ гражданское общество стало идентифицироваться буквально со всем – от многопартийной системы и гражданских прав до индивидуальной свободы [Seligman, 2001, p. 203]. Между тем традиционная трактовка этого понятия, выведенная еще деятелями шотландского Просвещения, как своего рода противовеса сильному государству и источник гражданского воспитания, более адекватно позволяет рассмотреть этот феномен в турецком контексте. Эти две характеристики важны тем, что осмысляют гражданское общество в рамках концепции плюрализма и гражданственности, ставящих добровольные ассоциации на службу демократии (поскольку они содействуют укреплению таких ценностей, как доверие, терпимость, готовность к компромиссу – т.е. всего того, что в 1990-е гг. приобрело основные черты теории консолидации демократии [Шмиттер, 1996, с. 16–27]).

Историю становления и развития гражданского общества в Турции можно отсчитывать по-разному. Если под последним понимать возможность относительно свободной ассоциации вне строгих границ, очерченных государством, то можно говорить о практически полуторавековом опыте гражданского общества в стране. Ведь социально-политический вес общественных движений и организаций в период “поздней” Османской империи (1850–1923) был весьма значительным (это хорошо видно на примере деятельности вакфов – благотворительных институтов, создававших сети социальной солидарности, абсолютно независимые от центральной власти [Шлыков, 2006, с. 67–100]). Уже после провозглашения Турецкой Республики как современного государства-нации появились различные организации, действующие вне политики, но в тесном сотрудничестве с государством. Иными словами, гражданское общество как “сфера свободной ассоциации” развивалось параллельно со становлением нынешней Турции, выступало неотъемлемой частью модернизации и формирования демократической политической системы. Однако если принять более широкую трактовку и воспринимать гражданское общество как возможность и механизм общественного влияния на процесс демократизации и формирования государственной политики, то придет-

ся констатировать, что подобные черты турецкий социум начинает приобретать лишь в конце 1980-х гг. [Keyman, 2003; Diamond, 1994, p. 4–17; Toros, 2007, p. 395–415].

Вероятно, один из главных факторов, которые, по меньшей мере, тормозят превращение аморфных ассоциаций и разрозненных социальных групп в более крупные объединения, включенные в активную политическую жизнь страны, создающие основы для “демократии-участия”, – особый “централизованный” характер политической и экономической модернизации в Турции. В период становления государства-нации (1923–1945) и оформления многопартийной системы и парламентаризма (1945–1980) центральная власть сохраняла за собой роль главного и наиболее влиятельного субъекта политических, социально-экономических и культурных отношений. Тем самым и институты гражданского общества (разнообразные ассоциации, движения, НПО и т.д.) попадали под косвенный, а иногда и прямой контроль со стороны государства. Ведь сама схема “централизованной” модернизации, осовременивания “сверху” базируется на идее прочного единства общества и государства (государства и нации), предполагает существование “независимых” ассоциаций, действующих на принципах служения власти и ее нуждам, а не по законам социальных отношений, основанных на личных предпочтениях и экономическом интересе [Pope N., Pope H., 1997].

Доминирование государства, его контроль над публичной сферой и общественной жизнью, неуклонно возрастаая в годы военных переворотов (1960, 1971, 1980), сохранились и после 1945 г., даже несмотря на возникновение крупных торгово-промышленных союзов, палат и т.д. [Киреев, 2007, с. 289–300; Ozbudun, 2000, p. 87]. На процесс приближения турецкого общества к гражданскому состоянию сильно влияли и этнорелигиозные конфликты: обострение курдского вопроса и проблемы исламской идентичности, их политизация в 1980-е и 1990-е гг. служили формированию соответствующих подходов к гражданскому обществу и его институтам, диктуемых принципами национальной безопасности и выразившихся в отлаживании правовых механизмов давления и контроля над НПО.

Однако с 1980-х гг. в стране формируется целый ряд факторов, благоприятствующих развитию гражданских отношений и снижению влияния государства в общественной жизни. Переход к рыночной экономике и курс на ограничение этатизма, сочетавшиеся с общемировой тенденцией углубления “глобализационных процессов”, – все это способствовало повышению значения гражданского общества как автономного саморегулируемого социального пространства. Организация экономической жизни в рамках свободного рынка не только послужила причиной возникновения серьезной критики государственного вмешательства в экономику и его политики тотального интервенционизма, но и сформировала в общественном мнении более либеральные подходы к пониманию индивидуализма, границ личных прав и свобод, что в конечном счете не могло не отразиться на взаимоотношениях общества и государства (в частности, на повышении социальной и политической ответственности последнего, а также на снижении степени его доминирования в разных сферах общественной жизни) [Keyman, 2001; Keyman, İcduygu, 2003, p. 219–234]. В свою очередь, события 1990-х гг. со всей очевидностью поставили перед гражданским обществом ряд императивов: необходимость преодоления поляризации и разобщенности своих институциональных основ, а также принятия на себя более активной роли в социальной сфере. Последнее обстоятельство стало особенно острым после крупнейшего Стамбульского землетрясения 1999 г., унесшего жизни 20 тыс. человек. Государственные органы показали малую эффективность в организации помощи пострадавшим (осуществлении работ по ликвидации последствий стихийного бедствия, обеспечении временного жилья и пропитания пострадавшим и т.д.), а турецкие неправительственные организации, напротив, при всей спонтанности и неорганизованности своих действий, неспособности к консолиди-

рованными усилиями доказали, что обладают значительным потенциалом [Kubicek, 2002, p. 761–778].

Вскоре гражданское общество получило еще один сильный импульс к развитию, теперь уже на политическом уровне. Добившись статуса кандидата в полноправные члены Евросоюза, Турция принимала на себя обязательства провести в стране комплексные реформы с целью соответствия “Копенгагенским критериям” (2002 г.)¹, т.е. принципам демократии в формате ЕС. В результате реформ 2002–2004 гг. и принятия законов о свободе собраний и ассоциаций значительно расширилось поле деятельности НПО, сильно ограниченное в предшествующие десятилетия (по Конституции 1982 г.), создались условия для общественного диалога по ключевым проблемам социальной политики. В то время как меджлис принимал законы о реформах, прописанных в “Копенгагенских критериях”, ЕС стал тесно взаимодействовать как с правительственными, так и неправительственными общественными организациями, помогая им подняться до “европейского” уровня. Такие НПО, как Ассоциация защиты прав человека (*Инсан Хаклары Дернеи*), Хельсинская ассамблея граждан (*Хельсинки Юртташлар Дернеи*), Вакф экономического развития (*Иктисади Калкынма Вакфы*), Турецкий исторический вакф (*Тюрк Тарих Вакфы*) и т.п., совершенствуют свои программы в тесном сотрудничестве со структурами ЕС [Wedel, 1997; Şimşek, Summer 2004, p. 111–139].

За последние годы в Турции ощутимо увеличилось число независимых изданий, журналов, газет, частных радио- и телеканалов, коммерческих и профессиональных организаций, спортивных клубов и обществ. Заметным событием стало появление в 1990-е гг. первой открытой общественно-политической программы *Сиясет Мейданы* (“Политическое поле”), ставшей трибуной для известных в стране экспертов и общественных деятелей, наравне с которыми выступали и “непрофессионалы”. Все эти дебаты не имели ощутимых последствий, не выливались в конкретные социальные инициативы, зато успешно формировали “атмосферу дискуссионности” в Турции, по крайней мере ее видимость.

В Турции, как и в других странах мира, в 1980-е и 1990-е гг. появилось множество НПО. До военного переворота 12 сентября 1980 г. их насчитывалось 38 354. И несмотря на то что военная хунта закрыла около 20 тыс. НПО, сейчас их количество превышает 90 тысяч [Sabah, 2004]². Более трети из них находится в крупнейших городах страны – Стамбуле, Анкаре и Измире [Civil Society in the Grip..., 2000, p. 478]. Между тем значительное число подобных организаций и относящаяся к ним статистика могут легко ввести в заблуждение. Действительно, количество профессиональных ассоциаций, союзов, палат и т. д. выглядит вполне адекватным для Турции (хотя и недостаточным по сравнению с европейскими странами [Sabah, 2004]), но вклад всех этих НПО в публичную сферу, степень их влияния чрезвычайно малы [Beller-Hann, Hann, 2001, p. 92–93]. И здесь мы сталкиваемся с фундаментальным несоответствием и различием западной и “незападной” моделей гражданского общества. В первом случае перед нами система взаимных формализованных отношений, обязательств и договоренностей между отдельными индивидами, во втором – господство неформальных связей, распространение разнообразных форм “реципрокных отношений”. Поэтому оценивать гражданское общество в Турции необходимо, исходя из других, неколичественных показателей. Более того, неспособность многочисленных НПО и разнородных общественных движений, хорошо заметных в публичной сфере, на экранах телевизоров, в

¹ На саммите ЕС в Копенгагене в 2002 г. был зафиксирован ряд требований политического, экономического и законодательного характера, которые Турция должна выполнить, чтобы претендовать на членство в ЕС.

² По результатам масштабного исследования “Международного альянса за гражданское участие” (ЦИВИКУС), в 2006 г. в Турции на 100 тыс. граждан приходилось 108 ассоциаций и 6 фондов (вакфов) [Civil Society in Turkey, 2006, p. 35].

печатных СМИ или на таких мероприятиях, как ооновская Конференция по среде обитания, влиять на решения и политику правительства позволила П. Кубичеку утверждать, что “гражданское общество в Турции существует больше как слоган, но не как реальность” [Kubicek, 2001, p. 4].

Сквозь прикрытие новых технологий и броских лозунгов проглядывается все тот же патерналистский настрой власти [Bauman, 1987], заставляющей добровольные организации сосредоточиваться исключительно на своих уставных целях, не подпуская их к политической деятельности и властным институтам. Более 95% всех НПО в Турции действуют на основании Закона об ассоциациях (*Дернеклер Кануну*), запрещающего общественным организациям проявлять активность в политической жизни страны и сотрудничать с политическими партиями. Аналогично и госслужащим запрещено участвовать в политике и вступать в ряды какой-либо партии. Все эти ограничения делают организации гражданского общества слабыми и маловлиятельными.

* * *

Одним из неперенных условий поступательного развития и “эффективности” гражданского общества является определенная независимость экономической сферы, ее “удаленность” от государства и властных структур [Democracy..., 1997, p. 73–74]. Для Турции вопрос либерализации экономической сферы всегда был достаточно болезненным. Несмотря на определенные усилия вывести экономическую жизнь из-под контроля и гнета государственной машины (в 1980-е и 1990-е гг.), в частности через приватизацию “государственных экономических организаций” (ГЭО), в стране мало что изменилось [Киреев, 2000, с. 292–299; *Civil Society in the Grip...*, 2000, p. 188–189]. До сих пор государство остается самым главным собственником финансовых институтов, экономических объектов, предприятий и т.д. [Киреев, 2007, с. 373]. Исторически такое положение вполне объяснимо: структура и организационные принципы турецкой экономики были заложены в 1923 г. на знаменитом Измирском экономическом конгрессе именно как государственный проект. В то время в стране не было или почти не было “класса” независимых предпринимателей, поэтому оживление экономики иными средствами и методами едва ли было возможно.

Сохраняющаяся в Турции высокая степень зависимости частного бизнеса и промышленных компаний от государства как главного распределителя контрактов и активного “законотворца”, “подчиненность” бюрократии и правительству как институтам, контролирующим и определяющим пределы экономической активности, иногда может оказываться чрезмерной, поскольку помимо формальных рычагов обладает и скрытыми инструментами влияния. У государства имеется целый ряд механизмов воздействия на экономическую сферу: это и налоговые, правовые преференции крупным ГЭО, и непосредственное влияние на руководство ведущих предприятий (введение в их состав правительственных чиновников). Поэтому связь бизнеса и государства, их взаимоотношения легко могут принять формы клиентелизма и патронажа [*Civil Society in the Grip...*, 2000, p. 188–189]. Кроме того, поскольку исполнительная власть в Турции фактически контролирует законодательную и судебную систему (ведь победившая на выборах партия или коалиция получает в руки практически все рычаги управления государством), влиятельные бизнесмены, равно как и другие заметные игроки публичной сферы, больше склонны идти на компромисс с властью, чем на обострение отношений и открытое противостояние.

Известный социолог Н. Мансо в своем исследовании, посвященном трансформации турецкого общества, попытался высветить не всегда очевидную связь между общественными организациями и государством. На примере празднования 75-летнего юбилея республики Мансо показал, как НПО, участвовавшие в организации торжеств,

стремились отделить свои структуры от государства, но это оказалось невозможным по ряду причин. Во-первых, текущая деятельность НПО как раз и направлена на выстраивание привилегированных отношений с ним; во-вторых, поиск финансовой поддержки – иногда даже не столько для развития, сколько просто для выживания, как в случае Турецкого исторического вакфа (*Тюрк Тарих Вакфы*), приводит многие НПО к сотрудничеству с госструктурами и господдержке; наконец, сама команда менеджеров и администраторов большинства НПО – это совокупность бывших политиков и чиновников, немного разбавленная представителями среднего и крупного бизнеса [*Civil Society in the Grip...*, 2000, p. 299].

Средства массовой информации (“четвертая власть” западных демократий) также не вполне свободны от государственной “опеки”. Большинство общенациональных телеканалов и газет в Турции напрямую входят в крупные холдинги или поддерживаются ими. Другими словами, ведущие СМИ страны являются дочерними компаниями корпораций, а не самостоятельными структурами. Учитывая многоуровневые связи, систему обязательств между крупным бизнесом и властью, на первый взгляд автономные масс-медиа оказываются в серьезной зависимости от государства. Добавим к этому вопрос о распределении заказов на рекламу внушительного числа госкорпораций и множества общественно-культурных организаций (то, что, собственно, и приносит электронным и печатным СМИ главный доход), и эфемерность самостоятельности “четвертой власти” в Турции станет очевидной. В этих условиях у издателя или “свободного” журналиста практически отсутствует возможность вести “свою” линию, идущую вразрез с официальной идеологией³.

* * *

Подчиненность экономической сферы государству накладывается на еще одну важную проблему гражданского общества в Турции – высокую степень его дезинтеграции, сравнимую с фрагментацией политического спектра. Лучшее тому подтверждение – ситуация вокруг торговых палат и предпринимательских союзов, которые, по идее, должны действовать, руководствуясь логикой экономической рациональности в большей степени, чем политическими пристрастиями. Между тем эти институты успешно служат интересам политических партий от радикально-правых – до ультралевых. Так, Союз турецких промышленников и предпринимателей (*ТЮСИАД*) ориентируется на правоцентристов. У левых – это основанная бизнесменами-алевитами [*Milliyet*, 11/06/1997, *Öztürk*, 1997] Ассоциация республиканских промышленников и предпринимателей (*ДжЮСИАД*), а Ассоциация национальных промышленников и предпринимателей (*УСИАД*) обслуживает интересы левых кемалистов [*Cumhuriyet*, 04/06/1998, *Hürriyet*, 06/02/2000]. У правых – основанная алевитами Ассоциация демократических промышленников и предпринимателей (*ДЕМСИАД*) и Ассоциация националистических промышленников и предпринимателей (*МИСИАД*), идеологически близкая Партии националистического действия (*ПНД*). Ассоциация независимых промышленников и бизнесменов (*МЮСИАД*) представляет интересы религиозно-настроенных и консервативных предпринимателей. В одном ряду с ними стоит Президентский совет турецких промышленников и предпринимателей (*ТЮБИСАК*), призванный координировать действия всех этих ассоциаций [*Civil Society in the Grip...*, 2000, p. 105–145]. Таким образом, можно согласиться с мнением К. Ворхофа о том, что экономическая сфера в стране «...разделена по линии культуры и идеологии, что не дает возможности турецким промышленникам и предпринимателям выступать единым фронтом в противостоянии го-

³ В начале 2007 г. либеральный журнал “Нокта” опубликовал секретный “белый” и “черный” списки СМИ и журналистов, подготовленный Генштабом Турции, после чего само издание вскоре было закрыто [*Today's Zaman*, 09/03/2007; 21/04/2007].

сударству и правительству как объединенная влиятельная “группа давления”, что можно было бы считать гражданским обществом» [ibid., p. 185].

Схожее положение и в среде турецких профсоюзов, которые можно вслед за социологом Т. Бора разделить на две категории: правые, объединяющие “людей капитала”, предпринимателей и т. д., и левые, в которые входят научная интеллигенция и высококвалифицированные рабочие (две группы, практически не пересекающиеся друг с другом) [*Civil Society in the Grip...*, 2000, p. 140]. “Правые” профсоюзы поддерживают официальную государственную идеологию, основанную на национализме и правочеловеческих ценностях. Их отношения с государством можно назвать “здоровым сотрудничеством”: власть не трогает эти организации, если только они открыто не поддерживают исламских фундаменталистов или другие нелегальные движения. Левые профсоюзы, в свою очередь, критично относятся к государственной идеологии и политике. В каком-то смысле эти организации выступают как внепарламентская оппозиция существующему режиму. Дезинтегрированность и поляризация характерны и для других элементов гражданского общества в Турции. Профессиональные ассоциации адвокатов, врачей, инженеров, архитекторов, ветеринаров, фармацевтов, писателей и артистов, наверное, даже еще больше разобщены по политико-идеологическим интересам и пристрастиям.

Политическая раздробленность гражданского общества проявляется даже среди организаций по защите прав человека. Только самая крупная из подобных организаций – Ассоциация прав человека (ИХД) и связанный с ней Турецкий вакф прав человека (ТИХВ) включают в свои ряды представителей разных идеологических платформ. Другие же, например Ассоциация помощи семьям заключенных и осужденных (ТАЯАД), напротив, служат исключительно интересам ультралевых сил. В свою очередь, у правых есть свой фонд – Вакф социальной безопасности и образования (СГЕВ), у “умеренных” исламистов – Ассоциация защиты основных прав и свобод (Озгюр-Дер), у радикалов – Ассоциация защиты прав человека и солидарности с угнетенными (Мазлум-Дер). Как показывает практика, при тесном взаимодействии между теми или иными организациями по защите прав человека различия в политических предпочтениях и взглядах проявляются со всей очевидностью и становятся труднопреодолимой преградой на пути выработки совместных проектов, действий и т. д. [*Civil Society in the Grip...*, 2000, p. 471]. Это подтверждается опытом работы, в частности, феминистских организаций и других НПО на ооновских конференциях по правам человека в Пекине (1995 г.) и Стамбуле (1996 г.), когда попытка сотрудничества преследующих в общем-то схожие уставные цели НПО приводила к конфликтам.

Низкий уровень терпимости и уважения к противоположным взглядам до сих пор остается отличительной чертой политической культуры турецкой государственной элиты и гражданского общества. Примат “одного мнения” – так можно определить принципы поведения разных групп в рамках турецкого социума: когда “сильный”, т. е. более представительная социальная группа, утверждает неоспоримость своей культурно-политической платформы и навязывает ее “слабому” – социальной группе, обладающей в данной ситуации меньшим ресурсом. Подобная практика наряду с глубокой дезинтегрированностью общества и ведет к тому, что этнические, религиозные и политические разногласия и “несходства” легко оборачиваются жестокими конфликтами. Турецкому обществу вообще свойственны “разломы” по линии религиозной, культурной и политической идентичности. Наиболее серьезные из них, если рассматривать последние тридцать лет, – это оппозиция турок и курдов, суннитов и алевитов, исламистов и кемалистов. Причем в рамках этих общностей существуют свои “линии напряжения”, такие как противостояние исламистских и “кемалистских” феминисток, курдов-алевитов и курдов-суннитов и т. д.

Какая бы из существующих культурно-идеологических групп ни становилась сильнее, влиятельнее, она непременно стремилась подавить, ограничить или, по крайней мере, игнорировать другие. К примеру, исламисты, традиционно жаловавшиеся на гнет со стороны кемалистов и государства, осуждавшего и запрещавшего их деятельность, со своей стороны, при наличии благоприятных политических условий повели себя по отношению к своим идеологическим оппонентам аналогичным образом. Есть много примеров, когда в студенческой среде, где число религиозно настроенных молодых людей было значительным, неопределившиеся и сочувствующие довольно быстро присоединялись к исламистам. Особенно это хорошо было заметно до “процесса 28 февраля” (1997 г.), когда не было еще строгих правил по ношению религиозной одежды в общественных местах: за один академический год количество одетых в хиджаб или носящих характерные усы с бородой ощутимо возросло [Şimşek, Autumn 2004, p. 48].

Что касается толерантности в отношениях противоположных общественных групп, то ее уровень хорошо иллюстрирует одно журналистское расследование. Две сотрудницы влиятельной стамбульской газеты сначала отправились в мини-юбках в кинотеатр, расположенный в районе Фатих, известном консервативными взглядами своих жителей, а затем пришли в популярный ночной клуб в хиджабах. И в первом, и во втором случае их попросту заставили “уйти по-хорошему” [Civil Society in the Middle East, 1995–1996, II, p. 111].

Между тем наличие общепризнанных ценностей и устоявшейся системы права – неотъемлемая часть любой концепции гражданского общества. “В отсутствии согласия, пусть даже четко не артикулированного, насчет общих границ действия (не важно политического, экономического или иного)... в обществе не будет никакой сплоченности”, – пишет социолог А. Нортон [Civil Society in the Middle East, 1995–1996, I, p. 11]. В свое время Э. Дюркгейм для определения подобной степени диссоциации социума ввел понятие аномии – преобладающего равнодушия к законам вследствие утраты уважения и доверия к ним со стороны большинства (и как результат – либо их несоблюдение, либо злостное нарушение). Масштаб аномии не связан с законотворческой деятельностью: законов, в том числе хороших и строгих, может быть много, но это ничего не меняет. Строгость законов в таких случаях компенсируется необязательностью их исполнения.

В Турции обыденность факта нарушения правил и норм закона в любой области формальных и неформальных отношений – будь то правила дорожного движения, нормы поведения в общественных местах или статьи Конституции – одна из самых больших проблем гражданского общества и демократии. Вольная трактовка законов и правил фактически стала общим принципом поведения государства и гражданского общества в Турции, где официальные органы часто закрывают глаза на факты нарушения норм законодательства. Вспомним проблему незаконной застройки в пригородных, периферийных районах крупнейших мегаполисов – Стамбула, Анкары, Измира – так называемого *геджеконду*, уже давно ставших социальным феноменом в Турции. Местные власти и политики не могут (или не стремятся) решить этот наболевший вопрос. Их действия сводятся к принятию накануне выборов традиционной “амнистии” (*геджеконду аффы*), легализующей незаконно построенные хижины и снимающей ответственность за правонарушение с их владельцев⁴. В общественном дискурсе избирательность подчинения нормативным установкам и правилам уже давно зафиксирована в разных поговорках и народных максимах: “Закон написан для обычных людей, но не беев”, “Правила существуют, чтобы их нарушать”. Неудивительно, что в свое время

⁴ Такая тактика объясняется электоральным потенциалом, которым обладают многочисленные жители районов *геджеконду* [Karpat, 2004].

президент Тургут Озал на реплику журналиста в эфире телепрограммы *Иджраатын Ичинден* о неполном соответствии одного из президентских указов действующей Конституции заявил, что “нет ничего страшного в том, что мы один раз нарушим Основной закон” [Şimşek, 2004, p. 65].

Все отмеченные несоответствия лозунгов и реалий, однако, не должны вводить в заблуждение насчет причин такого неупорядоченного бытия гражданского общества в Турции. Сложившаяся ситуация вызвана не особенностями национального характера или дефицитом определенных человеческих качеств. Проблема, по-видимому, в косвенных следствиях глубокой социальной трансформации, пережитой Турцией во второй половине XX столетия. Переход от традиционных социальных связей (в рамках деревни) к современной городской системе социальной коммуникации и совместного жительства [Giddens, 1990] неизбежно повлек за собой утерю жизненных ориентиров, рост социальной неустойчивости и формирование альтернативной системы этических ценностей. В каком-то смысле устоявшиеся традиционные модели поведения переплелись с принципами “современной” этики (зачастую – в искаженной трактовке). В результате этого “смещения” и отсутствия четких установок и возник феномен неупорядоченной жизни, в малой степени учитывавшей законы и нормы.

* * *

Концепция гражданского общества базируется на принципах свободной ассоциации. Они составляют одну из основных форм взаимодействия независимых индивидов и возникают при отходе от практики давления и принуждения, душащей любую инициативу. Обществу необходим определенный уровень “индивидуальной” культуры, посредством которой его отдельные члены могут не только формировать собственную идентичность (независимо от семьи, социальной группы или сообщества), но также и развивать в себе способность самостоятельно оценивать себя, окружающую действительность, политическую ситуацию и политиков. Для турок характерно создавать своеобразный “культ” вокруг ведущих политических деятелей. К примеру, большинство партийных лидеров покидают свой пост, как правило, либо в случае смерти, либо по причине запрета на политическую деятельность⁵. За последние двадцать лет первым политическим лидером, добровольно ушедшим из политики, стал Эрдал Инёню (в 1993 г. он покинул пост председателя Социал-демократической народной партии, которую возглавлял десять лет). Уже потом, после поражения своих партий на парламентских выборах 2002 г. подали в отставку Тансу Чиллер (Партия верного пути) и Месут Йылмаз (Партия Отечества). Ситуация вокруг поста президента еще более показательна. Так, если бы не внезапная кончина, Тургут Озал наверняка попытался бы провести через парламент изменения в Конституцию, позволявшие ему остаться на своем посту на второй срок, как это затем попробовал сделать сменивший его Сулейман Демирель.

С 1980-х гг. культурные предпочтения и установки турецкого общества претерпели серьезные изменения, перейдя от традиционных и коллективистских ценностей к индивидуалистическим. Однако эта ценностная трансформация в большей степени характеризуется ростом консюмеризма и меркантилизма, а не повышением социального, политического и интеллектуального уровня развития общества. Хотя, конечно, новые поколения турок гораздо охотнее участвуют в общественной жизни, вступают в ассоциации, стараются следовать принципам личной независимости и критического мышления. Другими словами, современные средства коммуникации, прогресс в развитии системы образования и возросший уровень профессионализма повысили степень “вза-

⁵ Пример бессменного – на протяжении 30 лет – лидера турецких исламистов Неджметтина Эрбакана.

имозамещаемости” индивидов (их “модульности”, если использовать терминологию Э. Геллнера [Геллнер, 1995, с. 105–111]), что закономерно увеличило и степень интегрированности общества, и уровень взаимодействия и взаимовлияния индивидов.

Многие турецкие социологи высоко оценивают степень конструктивного взаимодействия внутри турецкого общества. Между тем в реальности все довольно неоднозначно [Civil Society in the Middle East, 1995–1996, II, p. 37]. При определенных условиях позитивные сдвиги действительно заметны, в остальных случаях – взаимоотношения между “антагонистическими” группами ощутимо ухудшаются. Как правило, картина, наблюдаемая в отсутствие социальной напряженности и катаклизмов, оказывается достаточно обманчивой. В заблуждение легко может ввести видимость конструктивной дискуссии и диалога, порой и сотрудничества между определенными группами гражданского общества, о которых так любят писать газеты и говорить телекомментаторы. Однако в критической ситуации неспособность координировать свои усилия даже на самом низком уровне становится вполне очевидной [Kubicek, 2001, p. 4].

Показательны результаты социологического опроса, проведенного среди турецких НПО в 2006–2007 гг. Согласно его данным, более 85% активных деятелей этих организаций считают недостаточной степень участия населения в их работе, 67% уверены, что существующие НПО не отражают интересы всех групп турецкого социума, а около 90 % полагают, что большинство населения вообще не склонно проявлять гражданскую активность. Столько же (91%) говорят о серьезных финансовых трудностях, с которыми сталкиваются НПО, 66% убеждены, что добровольные организации не способны адекватно представлять интересы ряда важных общественных групп, в частности этнических меньшинств, женщин, рабочих. Кроме того, 67.1% отмечают, что НПО со своей нынешней организацией не могут эффективно работать на всей территории страны [Togor, 2007, p. 405]. Таким образом, институциональные основы гражданского общества в Турции, даже с точки зрения его наиболее активной части, оказываются недостаточно сильными и зрелыми, чтобы влиять на такие процессы, как консолидация демократии и пр. Одна из причин этого – определяющее влияние на формирование и развитие гражданского общества традиций и политической культуры. Можно согласиться с турецким автором А.Я. Сарыбаем в том, что политическая культура, одобряющая неограниченную власть какого-либо одного из субъектов политической системы, сдерживает возникновение социальных институтов, дифференцированных по своим программам и целям [Sartbay, 1997]. При этом само общество, воспроизводящее модель покорного и послушного поведения, стремится самоустраниться от социальных проблем, оставляя их решение государству.

Слабую активность гражданского общества в Турции подтверждают и результаты исследования авторитетной службы *World Values Surveys*, ежегодно проводящей социологические опросы в разных странах (в Азии, Америке и Европе). По данным одного из последних опросов *World Values Surveys*, 92% граждан Турции не принадлежат ни к одной из добровольных организаций, 81% уверены, что при возможности люди, не колеблясь, готовы обмануть друг друга, 60% считают демократию политическим строем, не способным вырабатывать нужные и верные решения и страдающим двусмысленностью, а более 40% не видят в “толерантности” и “уважении к другим” ценности, которые надо внушать своим детям [World..., 2007]. Другими словами, нынешний уровень развития политической культуры в Турции не вполне подходит для формирования активного гражданского общества, против которого косвенно выступает и само государство, тормозя его развитие [Akşit, Tabakoğlu, Serdar, 2003, s. 85–90]. Центральная власть, взяв на себя выявление и разрешение любых социальных проблем, использует разнообразные психологические инструменты, чтобы воспрепятствовать объединению людей в общественные организации, закрывает воз-

можные каналы сотрудничества внутри гражданского общества, создает финансовые трудности для НПО⁶.

* * *

Теоретические подходы, определяющие понятие гражданского общества, позволяют утвердительно ответить на вопрос о его наличии в Турции. Хотя и лишенное определенных качеств, прежде всего способствующих углублению демократизации, оно действительно есть. Причем по некоторым показателям: количеству – НПО, влиянию индивидуальной культуры и т.д. – его можно даже считать достаточно зрелым, “развитым”. Однако с точки зрения “автономности”, независимости от власти и армии, участия в процессе принятия государственных решений, степени интеграции, иными словами, на основе нестатистических, “качественных” характеристик уровень его развития едва ли можно считать высоким.

Сравнительная слабость гражданского общества в Турции может объясняться помимо особенностей исторического развития двумя комплексами причин: особенностями государственной идеологии, утверждающей ценности единой нации-государства, отрицающего наличие различных идентичностей и субкультур в рамках одного социума и сохраняющимся контролем армии над политикой и гражданским обществом через ряд институтов, таких как Совет национальной безопасности (СНБ), а также неформальным влиянием военной элиты. В этих условиях права и обязанности граждан становятся функцией государства, а не наоборот, т.е. базируются не на “общественном договоре”, а на обязательствах и повинностях, установленных “сверху”.

Недостаточная самостоятельность и независимость от государственной власти, глубокая политическая фрагментация и отсутствие терпимости – таковы корни большинства проблем, с которыми сталкивается гражданское общество в Турции и без разрешения которых оно не сможет послужить консолидации демократии в стране. Дальнейшее развитие и совершенствование гражданского общества тесно связано с необходимостью кардинальной ревизии политической системы и принципов государственного устройства Турции, сопровождающейся превращением армии в более демократический и либеральный институт. Двигаясь в этом направлении, основные игроки экономической сферы должны получить свободу от государственного контроля и вмешательства (путем приватизации и превращения их в автономные структуры), а СНБ должен стать действительно лишь консультативным органом. Пока сложно представить, как скоро Турции удастся претворить в жизнь программу обширной демократизации. Столь масштабные социальные трансформации едва ли могут осуществиться за одно-два десятилетия, даже при наличии влияния или давления извне (например, в лице Евросоюза), совпадающего с внутренними потребностями⁷.

Динамика демократических процессов в Турции также во многом детерминирована отношениями гражданского общества и государства, которым по-прежнему необходима либерализация. В условиях, когда государственная власть не ограничена строгими рамками, а автономия гражданского общества не обеспечивается, поддержание демократических порядков вряд ли возможно. Поэтому стремление углубить процесс демократизации в Турции без реальной экономической и политической либерализации может привести к созданию нестабильной демократии.

⁶ По данным опроса членов НПО, более 77% считают, что, по сути, в Турции нет свободы печати, 60% – говорят о том, что общественные организации не могут открыто критиковать правительство, 72% – констатируют наличие сложностей с осуществлением базовых политических свобод, около 60% свидетельствуют, что власти препятствуют деятельности международных общественных организаций [Toros, 2007, p. 407].

⁷ Однако замораживание процесса евроинтеграции не внушает оптимизма в этом вопросе.

Избавление от идеологической фрагментации гражданского общества, ее замещение взаимодействием и солидарностью – т.е. теми чертами политической культуры, приобрести которые еще сложнее, чем трансформировать систему власти, – потребуют смены нескольких поколений, не говоря уже о соответствующей государственной политике.

Наконец, правовая база гражданского общества – также исключительно важный для Турции вопрос. Определенные шаги в сторону повышения правовой культуры были сделаны. Однако либерализация режима часто идет параллельно с обратным процессом – рецидивами возврата к недемократическим мерам (как закрытие происламской Партии добродетели в 2001 г. или попытка с помощью Конституционного суда распустить ныне правящую Партию справедливости и развития в 2008 г.). Впрочем, качественное изменение общественной жизни и гражданского общества никогда не было простым и скорым.

Можно констатировать, что Турция продолжает находиться в состоянии перехода от авторитарного кемалистского режима к плюралистической демократии. Начавшись после Второй мировой войны, этот процесс сперва был озаглавлен переходом к многопартийности, а сейчас концентрируется на снижении роли армейской элиты и отказе от практики регулярных военных переворотов. Все крупные преобразования, переживаемые Турцией на протяжении последних полутора веков (начиная с Танзиматских реформ XIX в. и кончая разрабатываемым с 2007 г. проектом новой Конституции), осуществлялись при наличии сильного влияния извне. Вначале это были Англия и Франция, затем – США, а ныне – Евросоюз и его “Копенгагенские критерии”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Володин А.Г. *Политическая экономия демократии*. М., 2008.
- Геллинер Э. *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники*. М., 1995.
- Киреев Н.Г. *История Турции. XX век*. М., 2007.
- Киреев Н.Г. Сохранился ли в Турции госсектор? Некоторые итоги приватизации // *Ближний Восток и современность (Сборник статей)*. Вып. 9. М., 2000.
- Коэн Д.Л., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория*. М., 2003.
- Хантингтон С. *Третья волна: демократизация на исходе XX века*. М., 2003.
- Шлыков П.В. Парадоксы возрождения вакфов в современной Турции // *Современная Турция: проблемы и решения*. М., 2006.
- Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // *Полис*. 1996. № 5.
- Akşit B., Tabakoğlu B., Serdar A. *Sivil Toplumun ve Katılımlın Güçlendirilmesinde Sivil Toplum Kuruluşlarının Rolü*. Ankara, 2003.
- Bauman Z. *Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity, and Intellectuals*. Cambridge, 1987.
- Beller-Hann I., Hann C. *Turkish Region: State, Market and Social Identities on the East Black Sea Coast*. Oxford, 2001.
- Civil Society in the Grip of Nationalism. Studies on Political Culture in Contemporary Turkey* / Ed. by Stefanos Yerasimos, Günter Seufert, Karin Vorhoff. Istanbul, 2000.
- Civil Society: Challenging Western Models*. L., 1996.
- Civil Society in the Middle East*. Vol. I–II / Ed. by Augustus Richard Norton. Leiden–New York–Köln, 1995–1996.
- Civil Society in Turkey: An Era of Transition. CIVICUS Civil Society Index. Country Report for Turkey*. İstanbul, 2006.
- Democracy, Civil Society and the Muslim World* / Ed. by Elizabeth Özdalga, Sune Persson. Richmond, 1997.
- Diamond L. Rethinking Civil Society Toward Democratic Consolidation // *Journal of Democracy*. Vol. 5. № 3 (July 1994).
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, 1990.
- Göle N. Toward an Autonomisation of Politics and Civil Society in Turkey // *Politics in the Third Turkish Republic*. Boulder–San Francisco–Oxford, 1994.

- Karpat K.H. The Genesis of the Gecekondu: Rural Migration and Urbanization (1976) // *European Journal of Turkish Studies* (2004) (<http://www.ejts.org/document54.html>)
- Keyman E.F. *Turkey and Radical Democracy*. Istanbul, 2001.
- Keyman E.F., İçduygu A. Globalization, Civil Society and Citizenship in Turkey: Actors, Boundaries and Discourses // *Citizenship Studies*. 2003. Vol. 7. № 2.
- Keyman F. *Türkiye'de Devlet Sorunu: Küreselleşme, Modernleşme, Demokratikleşme*. Istanbul, 2006.
- Kubicek P. The Earthquake, Civil Society, and Political Change in Turkey: Assessment and Comparison with Eastern Europe // *Political Studies*, Vol. 30 (2002).
- Kubicek P. The Earthquake, Europe and Prospects for Political Change in Turkey // *Middle East Review of International Affairs (MERIA) Journal*. Vol. 5. № 2 (June 2001).
- Özbudun E. *Contemporary Turkish Politics: Challenges to Democratic Consolidations*. Boulder, Colo, 2000.
- Öztürk N. Alevi businessmen set up CUSIAD // *Turkish Daily News*. 6.09.1997.
- Pope N., Pope H. *Turkey Unveiled: Atatürk and After*. L., 1997.
- Sarıbay A. Y. Sivil Toplum: İki Sırtı Keskin Bıçak // *Radikal*. 14.05.1997.
- Seligman A. *The Idea of Civil Society*. N.Y., 1992.
- Şimşek S. New Social Movements in Turkey Since 1980 // *Turkish Studies*. Vol. 5. № 2 (Summer 2004).
- Şimşek S. The Transformation of Civil Society in Turkey: From Quantity to Quality // *Turkish Studies*. Vol. 5. Issue 3 (Autumn 2004).
- Toros E. Understanding the Role of Civil Society as an Agent for Democratic Consolidation: The Turkish Case // *Turkish Studies*. Vol. 8. Issue 3 (Autumn 2007).
- Wedel H. Türkiye Cumhuriyeti'nde Sivil Toplumun Nüveleri – Demokratikleşmenin Taşlayıcısı mı Yeni bir Seçkinler Örgütlenmesi mi? // *Ortadoğu'da Sivil Toplumun Sorunları*. Istanbul, 1997.
- World Values Survey, 2007 // <http://www.worldvaluessurvey.org/>

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Cumhuriyet
Hürriyet
Milliyet
Sabah
Today's Zaman